

ГЛУПЫЙ — ПОТОМУ ЧТО БЕДНЫЙ

У.М. Майнхоф

В данной статье раскрывается проблема вспомогательных школ в ФРГ. Её актуальность для русскоязычного читателя заключается в том, что развитие капитализма в нашей стране привело к образованию классов и росту пропасти между богатыми и бедными, а значит, появились дети, которые в силу бедственного положения их семей просто не имеют возможности или достаточной мотивации для нормальной учёбы. Попавшему в особенную школу ребёнку доступ к оплачиваемым и престижным профессиям, скорее всего, будет закрыт. В статье также рассматриваются факторы, которые препятствуют попыткам детей выбраться за пределы своего общественного круга.

Ключевые слова: *вспомогательные школы, капитализм, бедность, образование.*

Дети вспомогательных школ

Это теперь называется не «вспомогательная школа», а «спецшкола для детей с затруднениями в учёбе». Это больше не «вспомогательные дети», а «дети с затруднениями в учёбе», так же, как теперь не говорят «чернорабочий», но — «младший рабочий», не «пролетарий», а «сотрудник».

Эти новые выражения в школьном секторе представляют вполне приличную попытку смягчить участь детей и родителей, которых это касается, защитить их от оскорблений окружающих и от собственных предрассудков. Новые выражения отражают и хорошие намерения: раньше вспомогательные школы были отстойником для всех неудачников в массовой школе, сегодня повсюду более или менее стараются дифференцировать школы для этих неудачников: школы для неходячих инвалидов, школы для слепых и слабовидящих, для слабослышащих, для тех, кого называют «детьми с отклонениями в поведении». При этом большие города значительно обгоняют сельскую местность. В городах — федеральных землях — Гамбурге, Бремене, Берлине — с большой плотностью населения и хорошей транспортной сетью дети могут ездить в спецшколу на общественном транспорте. В сельской местности в основном нужны школы-интернаты, это дорого, и таким образом здесь гораздо больше выражена нехватка необходимых учреждений, чем в городах. А что означает для самих детей переименование

«вспомогательной школы» в «спецшколе», насколько хорошие намерения учителей защищают их от оскорблений? Если спросить, выходит, что — мало, очень мало, если сказать точнее: то, что от этого получили дети — так мало, что и упоминать не стоит.

Дети вспомогательной школы — о себе самих

Я спросила учеников 9-го вспомогательного класса — 15-летних детей — известно ли всем домашним, соседям, родственникам, знакомым на улице, что эти дети учатся во вспомогательной школе.

Дети отвечали: «нет» или «частично». А также: «Некоторые знают. Но такое говорят! Я даже не могу повторить». Я спросила, защищают ли они себя. «Не-е, или бежать, или просто плевать на это. Я одному вмазал как-то, но от этого только скандалы бывают. Если где-то что-то случается, это всегда значит, что мы начали. Мы всегда во всём виноваты. Просто потому, что мы из спецшколы».

Один сказал: «У нас этого никто не знает. Только мои родители. Брат и сестра даже не знают. Они бы проболтались. Тогда дядя и тетя узнают — и будет такое! Мой брат, может, и не рассказал бы ничего, но малышка, она точно выболтает». И что тогда будет? «Я же говорю — мои дядя и тетя, и все, они тогда

вообще перестанут с нами разговаривать. Мы же знаем».

Мальчик уже 6 лет учится в спецшколе, и всё это время семья скрывает это не только от соседей, но даже от своей родни, даже от младших брата и сестры. Мальчик: «И мы это всегда будем скрывать!» Его отец мастер-маляр; у мальчика несколько лет назад был менингит. Маляр не может себе позволить иметь ребёнка во вспомогательной школе. При нацистах ведь была даже программа стерилизации для асоциалов, и учителя вспомогательных школ давали справки о происхождении учеников. Пятно, которое налагает вспомогательная школа, впечатано глубоко. Отец боится, что от него уйдут клиенты.

Чувство собственного достоинства

Чувство собственного достоинства у детей вспомогательной школы катастрофически низко. Оно отсутствует. И одновременно они страдают от ощущения своей неполноценности.

Мальчик из класса: «Я вам хочу сказать, в чём разница между детьми из вспомогательной и народной школы: все, кто здесь сидит — бандиты». Другие дети запротестовали, стали возмущаться. «В народной школе из десяти ребят двое — бандиты; у нас из десяти хорошо если двое приличных. Давайте посмотрим.

Вон сидят шесть человек». Там сидели четверо мальчиков и две девочки. «Шесть человек. Сколько из них уже имели дело с полицией? Все шесть. Пожалуйста! Вы видите?» Поражённое молчание в классе. Одна девочка ещё добавила: «Бандиты — это же другое, это преступники» — но этого как-то не услышали.

Все дети иногда бьют окна, играя в футбол, все дети ездят по тротуару на велосипеде, все охотно лазают играть на стройки. Педагог Буземанн в отношении детей вспомогательной школы говорит об «общей душевной недостаточности». Они не шустрые, не могут вовремя убежать, не умеют складно врать, их ловят чаще, чем других детей. И полиция, которая ловит, убеждает их в том, что соседи и соседские дети им уже вдолбили — что они люди второго сорта. Не такие же дети, как все, которые просто не могут так быстро бегать и складно врать, но — плохие дети. Окружающая среда, которая поступает по отношению к ним преступно, делает их преступниками. «Все бандиты».

Хотел бы ты...

...чтобы эта школа стала обычной народной школой? Этот вопрос задала Ингеборг Кауфманн 362 ученикам в 14 различных спецшколах. 64 процента детей сказали: да, лучше народная школа. Только 27 про-

центов сказали «нет», 9 процентов не смогли определиться.

Обоснования ответа тех детей, которые хотели бы учиться в народной школе, не имеют никакого отношения к школе собственно. В исследовании ни один из детей не высказался против самой спецшколы. У всех речь шла о том, что с ними происходило из-за дискриминации: «Потому что тогда ты будешь таким же, как все ребята», «Потому что это так мерзко, когда тебя всегда дразнят — вспомогательный», «Моя сестра меня всегда называет «детсадкой», «На улице тебя бьют», «Другие с тобой не хотят играть», «Потому что тогда бы мы с народной школой могли дружить», «Всегда краснеешь, когда приходится говорить, в какой ты школе», «Не надо было бы врать, когда спрашивают», «Тогда люди не смотрели бы на тебя таким взглядом и не говорили бы: ну-у, таким дураком ребёнок вовсе не выглядит».

Дети, опрошенные Ингеборг Кауфманн, также ссылались на проблемы своих родителей, происходящие из-за того, что дети учатся в этой школе: «Это только из-за папы. Папа тогда не стыдился бы у себя на работе. У моей бабушки всё-таки хозяйство...», «Моя мать тоже бы хотела, чтобы я был в народной школе».

Дети, которые хотели бы остаться в спецшколе, обосновывали это достоинствами школы: «Потому что здесь можно большему научиться»,

«Я здесь научился читать», «Здесь учителя гораздо лучше», «Наша классная такая хорошая!»

Классовое положение — классовые страдания

Один из самых жестоких пред-
рассудков, с которыми эти дети
дополнительно должны сражаться — то, что способность человека
к страданию, его чувствительность
и ранимость связаны с его интел-
лектом, что люди на низших ступе-
нях социальной лестницы вовсе
не осознают, как им мерзко, и
не страдают от этого. Как будто
не только образование — привиле-
гия правящего класса, но и чувстви-
тельность, восприимчивость и спо-
собность страдать. Женщины
на идиотских рабочих местах — так
говорят — вовсе не замечают своих
проблем, меньше страдают от моно-
тонности своей работы, чем страдал
бы интеллигентный человек. Негры
не так страдают от бедствий жизни
в гетто, как страдали бы белые.
Глупые дети не так страдают
от общественной дискриминации,
как страдали бы умные. Так классо-
вое общество оправдывает угнете-
ние угнетённых.

Профессор психологии из Гисена
Хильдегард Хетцер уже в 30е годы
провела исследование «Дети и бед-
ность», где доказала, что нищие
дети точно так же страдают от сво-
ей бедности, как страдали бы бога-

тые: «Люди охотно успокаивают
себя тем, что бедные субъективно
не так страдают от следствий своей
нищеты. Эту точку зрения подкре-
пляют заявлением, что бедные субъ-
ективно просто не знают многих
потребностей, неудовлетворение
которых для богатого — невыноси-
мо, что бедные привыкли с детства
к перенесению нищеты, её действие
воспринимают притупленно, что
бедные вообще не способны испы-
тывать страдания в той же степени,
как обеспеченные люди. То, что эта
точка зрения абсолютно недопусти-
ма, и то, что переживания бедности
также и в детском возрасте встреча-
ется гораздо чаще, чем это обычно
склонны считать, сегодня уже может
быть доказано». «Уже сегодня» —
это был 1937 год.

Детские страхи

Дети вспомогательных школ
владеют приёмами, с помощью
которых можно избежать дискри-
минации. Они едут в автобусе
на остановку дальше, до той оста-
новки, где выходят ученики народ-
ной школы. Тогда шофёр, пассажи-
ры и прохожие думают, что эти
дети — тоже из народной. Они
идут в школу окольными путями.
Учителя спецшколы рассказывают,
что почти половина учеников при-
меняют эти конспиративные манев-
ры. Хотя в то же время они рас-
сказывают, что их дети — домоседы,

в перемену предпочитают сидеть в классе. Боязливые, отнюдь не буйные дети. Они идут запутанным длинным путём, чтобы скрыть, что идти им нужно в спецшколу.

Маленький мальчик спрашивает учителя при тестировании для спецшколы: «Скажите, должен я идти в спецшколу или нет? Вы же можете это сказать! Вы это должны знать. Если мне сюда не нужно, мама обещала подарить мне часы».

При фотосъёмке детей вспомогательной школы для фотографов никогда не было проблемой получить разрешение от школьного совета, директора и учителей. Кто в отчаянии сопротивляется фотосъёмке — это родители. У них панический ужас: ведь другие могут узнать, что их дети учатся в такой школе — обоснованный, отнюдь не выдуманный страх. А если к фотографиям будет написана ещё и статья — как вот эта — которая заступает за этих детей и родителей, она даже в малейшей степени не изменит то положение, из-за которого дети и родители подвергаются дискриминации.

Мой самый лучший сон

В седьмом классе спецшколы писали сочинение: «Мой самый лучший сон». Многие дети вообще не смогли написать это сочинение, могли только рассказать о своих снах. Все написали или рассказали

о страшных снах. О снах с дикими зверями, которые на них кидались, с чужими детьми, которые их травили, со зловещими потусторонними силами, которые им угрожали.

Страшные сны.

Процедура принятия в школу

Переход из народной школы в специальную начинается с угроз. Если не от родителей, то от учителей. Например, так: «Уважаемая госпожа... Школьные отметки вашей дочери в последнем полугодии не улучшились. В особенности домашние задания она выполняет не целиком, и при этом отчётливо видно, что ей не предоставляется никакой помощи» (Упрёки в адрес родителей по поводу недостаточной помощи при домашних заданиях делаются и тогда, когда дома шесть, семь, восемь детей, и каждому нетрудно высчитать, что помощь здесь попросту невозможна). «Если в ближайшее время это не изменится кардинальным образом, мы не сможем обойти необходимость предложить Петре переход в спецшколу» — Бабах!

Если угрозы учителей и побои отчаявшихся родителей не помогают — хотя, конечно, не все учителя угрожают, и не все родители бьют — классный руководитель сообщает директору и родителям, что он будет представлять ребёнка к переводу в спецшколу. Тогда вызывают роди-

телей и, если они приходят, делается попытка получить от них согласие. После этого ребёнок проходит тестирование, опрос и экзамен обученными учителями спецшколы.

Как ещё можно выкрутиться

Есть ещё приёмы, с помощью которых родители могут уберечь ребёнка от перевода в спецшколу.

1. Если вы католик, можно послать ребёнка в католическую народную школу. Если в местности нет католической спецшколы, то ребёнку не угрожает больше перевод из народной. По такому случаю можно быстренько сделаться католиком.

2. Или: ребёнка посылают к родственникам в сельскую местность, где нет спецшкол. Тоже сгодится.

3. Или: ребёнка отправляют на отдых — как можно дольше — а потом оправдывают неуспеваемость длительным отсутствием.

4. И наконец: можно переехать и отправить ребёнка в другую народную школу, а если там тоже не получится — опять переехать.

Примерно треть детей, которым грозит перевод в спецшколу, которых народная школа представляет для перевода, после всех тестов и проверок возвращается обратно в народную школу. Если им повезёт, они встретят учителя, который приложит усилия и выяснит, по какой причине эти дети отстают в учёбе.

Может быть, они просто недосыпают дома, или не находят общий язык именно с этим учителем, или их мать работает, потому что зарплата отца не хватает, или...

Во время проверочных тестов дети также обследуются школьным врачом. Например, в районе Фридберг в Гессене в 1967 году на 16 тысяч учеников народных, реальных и специальных школ приходился один школьный врач, сейчас их уже целых два на 16 тысяч детей.

44 процента лишних учеников во вспомогательных школах

В массовом обследовании 1620 учеников из 6 больших вспомогательных школ в Рейнланд-Пфальце выяснилось, что 44,4 процента обследованных страдают нарушениями слуха и речи от средних до тяжёлых степеней, что большое число этих нарушений вообще впервые диагностировано при этом обследовании и нуждается в срочном лечении. Эти дети вообще не «нуждающиеся во вспомогательной школе», а просто больные, затруднения в учёбе у них происходят из-за болезни, а медицинское обслуживание недостаточно — из-за всего этого они вынуждены терпеть угрозы, побои и социальную дискриминацию.

В итоге школьный совет решает, будет ли ребёнок переведён в спецшколу или нет. Когда дело

идёт к переводу, эти дети — уже второгодники, уже ненавидят школу, они унижены, разочарованы, в отчаянии, они несчастны. Спецшкола часто избавляет их от тяжелейших школьных проблем. (Ингеборг Кауфманн цитирует высказывания учеников вспомогательных школ об их предыдущем опыте в народной школе: «Они говорили: ну когда до тебя дойдёт? — и я всё равно ничего не понимаю», «Там надо прямо всё уметь», «Я же там всегда на второй год оставался», «Учительницы в народной школе все такие наглые», «Потому что в народной школе они всегда кого-нибудь бьют», «И там ещё всегда в классе так много учеников»). От социальной дискриминации, от родительского страха, от побоев, от презрения окружающих вспомогательная школа не может избавить детей. Причины этого находятся глубже, их нельзя победить с помощью одной только школы.

Происхождение учеников вспомогательных школ

Ученики вспомогательных школ — дети бедных родителей. Учителя и родители детей из вспомогательных школ обижаются на это утверждение. Бедность видится следствием того, что человек — неудачник. Когда говорят о бедности — это воспринимается как

упрёк, как обида. Тем более, что они прекрасно разбираются в символах статуса в обществе потребления. Андре Горц говорит о «Нищете в изобилии»: «Нищие хижины с телевизором и собственной машиной; неграмотность в буквальном и переносном смыслах и транзисторные радиоприёмники; нехватка сельскохозяйственного оборудования и автобаны; большие жилые блоки, лишённые гигиены, воздуха и солнца, и рядом храмы торговых центров и так далее».

Бедность этих семей не преодолевается потреблением. Она вызвана многодетностью, плохими жилищными условиями, неквалифицированным трудом, отсутствием образования. У детей она проявляется как неухоженность, отсутствие пунктуальности, нехватка сна, питания, недостаток домашнего тепла, проблемы в учёбе. Школа пытается справиться с затруднениями в учёбе этих детей, старается педагогическими методами, заботой, иногда индивидуальным подходом дать им какие-то знания, благодаря которым они теоретически смогут однажды начать работать. Но школа не в состоянии победить причину затруднений в учёбе, бедность, это не касается школы.

Учительские записи в личные дела учеников отражают беспомощность педагогов перед общественным феноменом детской бедности.

Гельмут К.: 6 детей в семье, он второй. Отец: рабочий. Квартира:

2 комнаты с кухней в бараке, туалет во дворе. Леворукость. Дата рождения неизвестна. Предупреждения и упрёки пропускает мимо ушей, они его не волнуют. IQ 85. Путает имена сестёр и братьев.

Норберт С.: Отец: уличный уборщик. 7 детей, двое старше мальчика, четверо младше. Условия нормальные. Семья знакома социальной службе. Ещё один брат посещает вспомогательную школу. Бесполезный, нерешительный, боязливый. «Врождённая неуравновешенность».

Зиглинд О.: Отец сантехник. Много детей в семье, сама девочка — младшая. Начала посещать школу на 2 года позже обычного. Неухоженная. Ногти на руках длинные, с широкой чёрной каймой. Зиглинд заикается.

Карлхайнц Д.: Отец — кузнец. Мальчик третий из шести детей. Часто опаздывает, так как должен делать покупки для матери. Домашние задания выполняет регулярно и добросовестно, но жирные пятна и грязь на тетрадях свидетельствуют о беспорядке дома. Также уход за телом и одеждой оставляют желать много лучшего. Несмотря на эти недостатки, Карлхайнц производит впечатление довольного, почти счастливого подростка, так как по сути он скромен и непритязателен. Второгодник.

Дитер Т.: Отец — водитель грузовика. Часто опаздывает. В семье 8 детей, 9-й ожидается. Всё время

проводит на улице. Неухожен. По субботам всегда отсутствует. Срочно нуждается в помощи при выполнении домашних заданий.

Из 17 детей этого класса 8 — из многодетных семей, 4 — из неполных семей, где матери не были замужем или разведены, 3 из семей с тяжёлыми условиями, где отец пьёт, а мать официально или время от времени работает на панели. Двое происходят из так называемых нормальных, приличных семей.

В каждом классе вспомогательной школы есть два или три ребёнка из благополучных семей. И это всегда дети, которые когда-то были больны, их затруднения в учёбе — следствие физического заболевания.

Из годового отчёта одной спецшколы

Социальные условия, из которых происходят наши ученики, часто весьма удручают. Так как Коллегии удалось улучшить контакт с родителями, с помощью службы по делам несовершеннолетних или прямой помощи мы смогли в некоторых случаях смягчить положение острой нужды. К сожалению, у большинства наших учеников семейные обстоятельства беспорядочны. Многие из этих детей втянуты в ситуации, которые неизбежно тормозят их душевное развитие. 111 детей происходят

из многодетных семей, 53 ребёнка не имеют дома собственной кровати. Увеличилось число работающих матерей.

Стоит отметить, что школа называет условия, в которых живут дети, «удручающими», вместо того, чтобы считать их возмутительными. Удручает — это значит, никому неизвестно, как это изменить, неизвестно, что можно сделать с этими условиями. Конечно, иные учителя спецшкол страдают со своими учениками, сами страдают от условий, которые их не учили видеть и анализировать. Таким образом они часто обращаются к привычной, вошедшей в плоть и кровь схеме. Так, в одной из школьных характеристик цыганского мальчика я нашла следующее замечание: «Карл Хинце происходит из цыганской семьи. Поэтому он обладает всеми хорошими (их немного) и всеми дурными (их очень много) качествами этой расы. Он ленив, пропускает школу, когда ему хочется. Часто безобразно грязен. В таком случае мы должны вначале его отмывать. В остальном он нагл, часто бездельничает, словом — очевидный цыган. Дополнительно можно отметить постоянную ложь».

Здесь проявляется притягательность фашистских объяснений общественных связей, то есть притягательность не просто жестоких, но прежде всего однозначных объяснений. У цыганского ребёнка учитель просто вспоминает

о «расе» этого ребёнка, в остальном учителя часто обращаются к наследственно-биологическим объяснениям, считают асоциальность и затруднения в учёбе врождёнными и наследственными, как, например, в процитированном школьном отчёте идёт речь о «врождённой неуравновешенности» или «скромной и непритязательной сущности» ребёнка. Неудача, которую терпит спецшкола в отношении этих детей, декларируется как неудача самого ребёнка.

Пропуски по субботам

Некоторые спецшколы в Гамбурге уже ввели 5-дневную неделю. При этом в среду школа бывает и после обеда, в этот день дети получают горячий обед. По субботам во многих спецшколах половина учеников отсутствует. Только учителя должны присутствовать все. В этих случаях они посещают родителей и пытаются вызывать к их советам. Пойти туда и попытаться жаловаться, что мальчик никогда не приходит в школу по субботам, и своими глазами увидеть, как отец, слыша это, первым делом со страшной силой бьёт свою жену, а затем извиняется и говорит, что это жена виновата, и свято клянётся, что теперь всё изменится — но конечно же, ничего не меняется. В следующую субботу мальчик опять не приходит, как обычно.

Есть дети, которые с удовольствием ходят в школу, они и в субботу приходят с радостью. Если их нет, они не могут — значит, это их родители не могут. Вместо того, чтобы приспособиться к этим родителям, чтобы признать, что мать 5, 6, 7 или 8 детей, да даже трёх или четырёх, хочет иногда выспаться, если её мужу не нужно на работу, что сон, возможно, просто важнее, чем школа, также и для детей, что в конце концов многие учителя тоже с удовольствием наслаждались бы свободной субботой (особенно учительницы, сами имеющие детей) — такие потребности не могут учитываться системой, которая интересуется только достижениями, но не удовлетворением человеческих потребностей.

Школа полного дня и пятидневная неделя

Школа полного дня и пятидневная неделя — для всех детей хороши, но для учеников вспомогательных школ просто жизненно необходимы — но всё это благие пожелания. Для этого нужна была бы позитивная программа, о которой и думать нечего в то время, когда спецшколы для детей с затруднениями в учёбе так и так еле хромают вслед за общей школьной системой. Тесные обветшавшие старые здания, школа прямо за церковью, самое старое школьное здание

в округе — в основном, это и есть вспомогательные школы, помещения, которые для народных школ стали слишком убогими, как раз годятся для спецшкол. Что означают тесные помещения — хорошо видно в том школьном годовом отчёте, который уже цитировался: во время зимнего полугодия спортивные занятия должны были быть ограничены, так как наша школа могла обеспечить всего 4 двойных занятия на 10 классных коллективов. Большие школьные праздники не могут проводиться из-за отсутствия общих помещений. Все праздники устраиваются на лестнице и в холле. Лестничные клетки очевидно недостаточны для размещения 180 детей. Во время хорового пения недостаток кислорода приводит к тому, что, например, двое детей во время школьного праздника упали в обморок. Бедность родителей повторяется в школьных условиях. Это затрагивает и учителей. В шутке о том, что они «всего-навсего учителя вспомогательных школ» — «на большее не хватило» — есть зерно истины: условия их работы отражают место и ценность спецшкол во всей системе школьного образования, место учеников вспомогательных школ среди всех школьников, место бедности в этом обществе.

Оригинал статьи опубликован в журнале «Konkret», № 6, 10 марта 1969 года.

Перевод Яны Завацкой.